

ИРИНА ФЛИГЕ

Историк, директор НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

ДНЕВНИК ВЕРЫ ШТЕЙН В АРХИВЕ ОГПУ: реконструкция биографии документа

В архивно-следственном деле религиозно-философского кружка «Воскресенье» (известном также как «дело А.А. Мейера»)¹, которое хранится в Архиве УФСБ по СПб и ЛО², был обнаружен дневник Веры Фёдоровны Штейн за апрель 1921 — июнь 1922 года. Дневник имеет форму писем к «Люличке» — Евгению Фёдоровичу Штейну, старшему брату Веры Фёдоровны.

Автор дневника Вера Фёдоровна Штейн родилась 22 апреля/5 мая 1881 года в Санкт-Петербурге в семье Фёдора Фёдоровича Штейна (1819–1893), пианиста, педагога. Уроженец Германии Ф.Ф. Штейн с раннего детства концертировал с большим успехом как музыкант и импровизатор. Он впервые приехал в Россию в 1836 году, выступал с концертами в Петербурге и Ревеле. Впоследствии более 30 лет прожил в Ревеле; основал там музыкальное общество. В 1872 году Ф.Ф. Штейн получил профессию в Санкт-Петербургской консерватории; в Петербурге продолжал заниматься концертной деятельностью. Штейна как выдающегося пианиста и импровизатора высоко ценили Шуман, Шопен, Лист и другие знаменитые музыканты, с которыми он был дружен.

В.Ф. Штейн получила образование скульптора: училась в частной школе рисования и живописи в Петербурге, в Высшем художественном училище при Академии художеств, в частной художественной школе Кала-

¹ Подробнее см.: «Дело А.А. Мейера»/Публ., подгот. текста, вступ. заметка и примеч. И. Флиге и А. Даниэля//Звезда. 2006. № 11.

² Архив УФСБ по СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. П-81782.

россии и Ривьера в Париже. После возвращения в Россию (около 1911 года) В. Ф. Штейн увлекается наукой: занимается историей античного Причерноморья, участвует в археологических раскопках в Крыму. Работает научным сотрудником Академии истории материальной культуры и Эрмитажа. В 1919–1923 годах учится на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Вера Фёдоровна арестована 8 марта 1929 года по делу А. А. Мейера, приговорена к трём годам заключения в лагере на Соловках. Освобождена досрочно 17 января 1931 года и выслана на оставшийся срок в Вологду.

С 1933 года В. Ф. Штейн живёт в Новосибирске, создаёт памятники (С. М. Кирову, М. Ю. Лермонтову, М. И. Глинке и др.), скульптурные портреты, монументально-декоративные композиции для различных зданий Новосибирска. В 1934 году становится членом Союза художников СССР. Наиболее известная работа В. Ф. Штейн — барельеф «Искусство народов СССР» (или «Танцы народов СССР»), выполненный в 1939–1940 годах и помещённый над входом в Новосибирский государственный театр оперы и балета. В. Ф. Штейн умерла 23 сентября 1971 года в Новосибирске.

«Люличка» — Евгений Фёдорович Штейн³ (ок. 1864, Санкт-Петербург, Россия — 18 сентября 1961, Хартфорд, штат Коннектикут, США). Е. Ф. Штейн окончил восточный факультет Петербургского университета; в 1892 году был причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, проходил дипломатическую службу в Китае, Корее, Черногории. С 1908 года Е. Ф. Штейн — секретарь российской миссии в Бразилии и Аргентине; с 1910 года — поверенный в делах в Буэнос-Айресе. В 1917 году становится российским посланником в Аргентинской республике; 26 ноября 1917 года приказом наркома иностранных дел РСФСР уволен с поста. Продолжал исполнять должность посланника до 1931 года. Впоследствии переехал в Северную Америку.

О создании «Писем к Люличке» мы знаем крайне мало, попробуем на основании разрозненных данных восстановить историю дневника. Начнём с описания места обнаружения текста. Архивно-следственное дело состоит из пяти томов. Документы дела, за отдельными исключениями (вероятно, ошибки при шивке дела в 1929 году), сгруппированы по персоналиям. Основной корпус следственных документов, относящихся к В. Ф. Штейн, находится во втором томе дела (л. 25–66) и содержит: постановления о производстве обыска и ареста, протокол обыска, анкету и тюремное фото, два протокола допроса, выписки из писем В. Ф. Штейн, акт медицин-

³ У Веры Фёдоровны был ещё один брат — Алексей Фёдорович Штейн. О нём пока нет сведений, кроме того, что он был директором музыкального техникума в г. Витебске где-то в интервале с 1922 по 1935 год. В 1922 году Народная консерватория (создана в 1918 г.) была реорганизована в музыкальный техникум, последний в 1935 г. преобразован в музыкальное училище.

В. Ф. Штейн. Фото из архивно-следственного дела. 1929 г.

следователя Стромина (л. 304, 304 об.), выписка из дневника В. Ф. Штейн (л. 305), рукописные страницы дневника (л. 306–310 об.) на двойных тетрадных листах. В пятом томе дела (так называемое «реабилитационное дело») также имеется несколько документов, касающихся В. Ф. Штейн, однако прямого отношения к публикуемому материалу они не имеют.

Текст дневника представляет собой второй экземпляр машинописи на нелинованных листах формата В1 с оборотами (имеется несколько неформатных страниц); всего в рукописи 40 страниц. Текст напечатан на двух пишущих машинках с разным размером шрифта. Номера страниц проставлены только на первых семи страницах.

В документе можно выделить три блока машинописи. В первом (л. 46, 46 об., 47, 47 об., 48, 48 об., 49) текст выполнен на пишущей машинке со стандартным шрифтом, номера страниц выставлены (страница 49 об. не заполнена). Блок охватывает период с января по март 1922 года. Во втором блоке (л. 50, 50 об., 51, 51 об.) — с марта по июнь 1922 года — текст выполнен на пишущей машинке с более мелким шрифтом, нумерация страниц отсутствует; страница 50 начинается с зачёркнутого повтора записи на странице 49, а на странице 51 об. два фрагмента отмечены как вставки. Третий блок (л. 52–61) внешне не отличается от второго, однако страницы 53, 53 об., 54 и 54 об. пронумерованы (с 3 по 7) и он касается более раннего периода: июль 1921 — январь 1922 года. Машинописный текст дневника оказывается инверсированным по хронологии.

На первой странице документа в правом углу имеется надпечатка «Копия НБ — <нрзб.>», что свидетельствует о том, что перепечатка (во всяком случае, первых семи страниц) выполнена профессиональной машинисткой, работающей в государственном учреждении. В машинопись внесена правка (авторская?) чернилами чёрного цвета: исправлены опечатки, заполнены пропуски, оставленные машинисткой (неразобранные слова, а также слова и предложения, написанные латиницей).

ского освидетельствования и интересующий нас документ (дневник «Письма к Люличке»). Кроме того, в третьем томе среди документов следствия имеются ещё четыре документа В. Ф. Штейн (л. 303–310 об.): постановление об устранении от занимаемой должности, личное заявление В. Ф. Штейн на имя

Помимо редакторских (авторских?) маргиналий на первой странице рукописи (л. 46) имеются две пометы (широкое подчёркивание) красным карандашом, на трёх других (лл. 53, 53 об., 54) — несколько подчёркиваний синим карандашом. Такие подчёркивания делали сотрудники ОГПУ, выявляя «антисоветское содержание» документа. Каким образом «Письма к Люличке» попали в следственное дело?

Согласно протоколу обыска, который проходил на квартире Веры Фёдоровны Штейн 27 февраля 1929 года⁴, у неё были изъяты: «Личная переписка гр. Штейн, книга адресов, дневник, статья в рукописи и отпечатанная, письма из Аргентины и чек на 60 долларов, орденские ленты, две медали и два портрета, 4 книги Патриотические сонеты, Искусство мистиков и идеалистов, Иисус из Назарета, Смысл творчества — оправдание человека и спецкарты ЕврРоссии и сенатский знак. Журнал „Монд“»⁵. Непрофессионализм сотрудников ОГПУ в составлении протокола обыска и далее в обращении с изъятыми документами и материалами не позволяет установить точное соответствие между текстами, указанными в протоколе, и текстами, хранящимися в архивно-следственном деле.

Выделим интересующие нас позиции и прокомментируем их:

1. «Личная переписка гр. Штейн». Вероятно, имеются в виду письма в адрес Веры Фёдоровны и, возможно, копии её писем к разным людям. Судьба самих писем неизвестна; в деле (лл. 38–42) хранятся выдержки из писем к В. Ф. Штейн, а также подборка цитат из её писем (лл. 43–45), относящихся к кружку А. А. Мейера. Вероятно, сами письма уничтожены.

2. «Дневник». Возможно, под этим названием в протоколе указаны несколько тетрадных рукописных страниц, хранящихся в деле (т. 3, лл. 306–310 об.), из которых впоследствии также была сделана машинописная выборка и подшита к делу (т. 3, л. 305). Возможно также, что речь идёт о дневнике в письмах, то есть о тексте «Письма к Люличке».

3. «Статья в рукописи и отпечатанная». Неграмотность сотрудника ОГПУ не позволяет точно определить, о скольких текстах идёт речь: об одном (машинописная рукопись некой статьи) или о двух (рукописный текст статьи плюс его машинописная копия). Причём во втором случае также могут быть два варианта: первый — статья утрачена; второй (более вероятный) — это текст дневника «Письма к Люличке», принятый за статью. Действительно, внешне машинопись с правкой можно принять за статью. А вот был ли при этом рукописный вариант, осталось неизвестным.

4. «Письма из Аргентины и чек на 60 долларов». Вероятно, были получены от брата Евгения и/или его жены. Ни самих писем, ни упоминаний о них или их содержании в следственном деле не обнаружено, — так же как и об остальных изъятых документах, книгах и предметах.

⁴ На момент ареста В. Ф. Штейн жила по адресу: Ленинград, пр. 25 Октября, д. 84, кв. 47

⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. П-81782. Т. 2. Л. 27.

Итак, текст «Писем к Люличке», назван ли он «дневником» или «статьей», изъят у В. Ф. Штейн при обыске и приобщён к делу. В других документах дела имеются упоминания о нём, их всего два.

Первое, из протокола допроса (без даты):

«Дневник в форме писем к Люличке начала писать 7 ноября (25 окт.) 1918 года, живя на Моховой со своим братом Алексеем Фёдоровичем Штейн и его женой Татьяной Михайловной Штейн. Писала непрерывно до 1923 года, после чего дневника не вела, но записывала для себя свои личные впечатления, душевные, внутренние переживания до прошлого года (зима 28 г.) <...> Дневник (письма к Люличке, брату Евгению Фёдоровичу Штейн, находящемуся в Буэнос-Айресе) надеялась передать ему лично при встрече. Письма из Аргентины получала от Максимовой Юлии Альбертовны (неофиц. жены брата Евгения), от нея же получала и деньги каждые два месяца, по 60 долларов. Ввиду моей предполагавшейся поездки за-границу она предлагала выслать сразу большую сумму, по моему запросу. С 18 июня 1928 г. мне начал писать брат Евгений и его письма мною переслались брату Алексею Фёдоровичу Штейн, жив. в гор. Витебске...»⁶

Второе, из заявления В. Ф. Штейн следователю Стромину от 30 апреля 1929 года:

«В дополнение к последнему допросу имею сказать, что дневник писала не с 17-го, а с начала 18-го и вначале писала просто письма к брату, переписка с которым прекратилась; эти первые письма думала отдать ему, если бы пришлось встретиться; но затем стала писать дневник для себя, как историк, описывая исключительно то, что глаза видят и уши слышат, т. е. часто обывательские слухи, не задаваясь целью критической их проверки. Форму писем сохранила под влиянием романа Стеф. Цвейга „Письма незнакомки“.

В 1923 году как хранившиеся письма, так и дневник уничтожила, совершенно забыв о последней его части, найденной при обыске. Содержание этой случайно сохранившейся части совершенно не помню ввиду семилетней давности»⁷.

(Может быть, эта последняя часть, о которой пишет в своём заявлении Вера Фёдоровна, и есть те несколько рукописных страниц дневника, хранящиеся в деле?)

По непонятным для нас причинам машинописный текст «Писем к Люличке» не был подвергнут анализу со стороны следственных органов. Да и был ли он прочитан полностью? За исключением первой страницы, в нём отсутствуют следственные маргиналии — характерные отчёркивания «антисоветских фрагментов». Политическая и общественная позиция автора дневника на допросах не выяснялась (был задан лишь вопрос о происхождении данного документа). Упоминание дневника отсутствует

⁶ Т. 2. Л. 35 – 35 об. Здесь и ниже орфография и пунктуация документа сохранены.

⁷ Т. 3. Л. 304 – 304 об.

в обвинительном заключении⁸. Невнимание следствия к этому достаточно криминальному по понятиям того времени документу, вероятно, объясняется «узким» интересом ОГПУ к кружку Мейера, его членам и деятельности. Но сама Вера Фёдоровна явно нервничает в связи с дневником, чем, вероятно, и вызвано её заявление следователю. При этом ни на допросе, ни позднее, в заявлении Стромину, она никак не объясняет происхождение машинописного текста.

Обратимся к самому дневнику. В тексте содержатся всего две записи, позволяющие косвенно судить о мотивах его появления («Написала тебе письмо в ответ на твоё, и хотя написала в нём более или менее как мы живём, но пока нельзя всего писать в письмах, отправляемых по почте, продолжаю писать параллельно с ними»⁹) и датировке начала записей («7 ноября 1921 г. Знаменательный день. Годовщина Октябрьской революции, вместе с тем и 3-летие моих писем»¹⁰). Отсюда можно заключить, что дневник В.Ф. Штейн вела с осени 1918 года, продолжая при этом переписку с братом по почте.

Очевидно, что первоначально дневник представлял собой рукопись. С какой целью и кем сделана машинописная копия, достоверно определить невозможно. Вряд ли стоит рассматривать версию, что копия сделана машинисткой ГПУ. Маловероятно, что после набора дневника он был передан подследственной для внесения авторской правки, да ещё и написания вставок. Также следует исключить версию, что В.Ф. Штейн сама напечатала текст: тогда бы в нём не было пропусков, оставленных для неразобранных слов. Пропущенное в машинописи и вписанное от руки имя брата «Люличка» (л. 52) — серьёзный аргумент в пользу того, что текст перепечатывала машинистка.

Вероятно, Вера Фёдоровна отдала рукописный дневник в перепечатку, а после набора внесла в него правку. Судя по сбоям и пропускам в пагинации, а также по тому, что были использованы как минимум две пишущие машинки, можно предположить, что набор текста производился частями.

Какие цели преследовала В.Ф. Штейн, отдавая перепечатать свой дневник? Здесь можно лишь строить гипотезы.

По первой из них, Вера Фёдоровна решила привести в порядок свои дневниковые записи, чтобы передать их брату при личной встрече. Это

⁸ Из резолютивной части обвинительного заключения:

«Согласно данным вполне установленных в процессе следствия обвиняемые изобличаются: <... >

ШТЕЙН, Вера Фёдоровна, в том, что она состояла членом „Воскресенья“ с 1927 г. и собирала различные порочащие Соввласть сведения для нелегальной отправки за границу, т. е. в пр. пр. ст. 58,11 У.К. В предъявленном обвинении созналась и указала, что порвала с „Воскресеньем“ в 1928 г., т. к. её пугали конспиративные условия его собраний и отталкивал обряд взаимного целования при встречах» (см. л. д. № 35–36, том 2-й).

⁹ С. 1 (л. д. 46).

¹⁰ (л. 56 об.)

сообщение встречается несколько раз в тексте дневника и в протоколе допроса. Представление о возможности этой встречи, вероятно, менялось с течением времени, но на следствии она упоминает, что планировала поездку за границу. Не исключено, что именно с этой предполагаемой поездкой и связана её работа над рукописью.

Вторая гипотеза основана на наличии в протоколе обыска слова «статья». На первый взгляд, это гипотеза слишком смелая: мало ли что записал полуграмотный сотрудник ОГПУ в протоколе? Но посмотрим на эту версию более внимательно: слово «статья» могла произнести и сама Вера Фёдоровна, поясняя, что это за машинопись. Кроме того, литературное творчество не было ей чуждо (в заявлении следователю она объясняет жанр дневника в письмах подражанием приёму Стефана Цвейга). Ещё один штрих — указание в тексте дневника: «(см. приложение)» (л. 48) — совсем не характерная помета для заявленного жанра. Естественно, В. Ф. Штейн не могла надеяться на публикацию дневников в Советском Союзе, но нельзя исключить, что она рассчитывала на их публикацию за границей, — после выезда или отправки дневника брату. Также заслуживает внимания ещё одна деталь в тексте обвинительного заключения: «собирала различные порочащие Соввласть сведения для нелегальной отправки за границу». Хотя это утверждение приводится без ссылки на дневник, судя по всему, следователь Стромин всё же с ним ознакомился и обнаружил там «сведения, порочащие Соввласть», а желание передать дневник брату при встрече расценил как нелегальную передачу этих сведений за границу.

Исходя из рассмотренного фактического материала и наших версий происшедшего, предлагаем гипотетическое изложение последовательности событий, связанных с историей написания и хранения этого документа.

Осенью 1918 года Вера Фёдоровна Штейн начинает вести дневник. Он имеет форму писем, обращённых к старшему брату Евгению Фёдоровичу (домашнее имя — Люличка), который находится в Аргентине. При этом Вера Фёдоровна поддерживает постоянную связь с братом: получает от него письма и денежные переводы. В 1923 году она вести дневник перестала. Между 1923 и 1928 годами, планируя отъезд или поездку за границу, она решила привести дневник в порядок и стала передавать рукопись по частям для перепечатки машинистке (машинисткам?), затем вносила правку в машинопись. Однако эта работа была прервана: в какой-то момент Вера Фёдоровна побоялась её продолжить. Рукописный дневник она уничтожила, за исключением нескольких тетрадных страничек, относящихся к 1922 году, а машинописную копию дневника хранила дома. Во время обыска в феврале 1929 года эти материалы были изъяты и приобщены к делу. Поскольку В. Ф. Штейн была арестована по делу кружка А. А. Мейера, а следствие интересовалось исключительно

материалами, относящимися непосредственно к кружку, ни сам факт существования дневника, ни его содержание в обвинение не были включены. Сама же В.Ф. Штейн понимала, что её дневник носит «криминальный» характер, в силу чего и инициировала объяснения со следователем по этому поводу.

Документ сохранился в архивно-следственном деле случайно — большая часть текстов, рукописей, писем и других материалов, изъятых не только у В.Ф. Штейн, но и у других обвиняемых, в состав дела не вошла. Также случайно этот текст был обнаружен во время работы с архивно-следственным делом.

Публикуемый ниже текст представляет собой фрагмент дневника В.Ф. Штейн, относящийся к периоду с 13 апреля 1921 года по 7 июня 1922 года. Текст документа приводится по машинописной копии, хранящейся в Архиве УФСБ по СПб и ЛО (Д. П-81782 Т. 2. Л. 46–61). Текст приведён к современным нормам орфографии и пунктуации (при сохранении авторской пунктуационной модели), сохранены лишь некоторые особенности авторского написания. В целях передачи дневникового стиля сохранены цифровое написание числительных и авторские сокращения, в необходимых случаях раскрытые в квадратных скобках (как и конъектуры).

Автор благодарит за помощь, оказанную при подготовке рукописи к публикации, Т.Б. Притыкину, Т.В. Моргачёву, А.Ю. Даниэля, Г.Г. Суперфина.

